

Алексей ВОРОНКОВ

член Союза писателей России

От редакции. Сегодня у нас в гостях Алексей Алексеевич Воронков – известный амурский прозаик и поэт, автор книг стихов «Глиняный музыкант» (1998) и «Забереги» (2007), романов «Положение вещей» (1997), «Потрясение» (1998), «Берег сомнамбул» (1999), «Кавказ подо мною...» (2001), исторического романа «Круг сансары, или Продавец снов» (2002) и др.

Недавно Алексей Алексеевич отметил свой юбилей. Отрадно, что это событие совпало с приходом его прозы на страницы нашего альманаха. Здесь вы сможете познакомиться с рассказом «Повар Иван Дугин» и очерками об амурских писателях, ныне почти забытых. В них выпукло проступают черты индивидуального стиля, просматривается вектор авторских устремлений, отчётливо проговаривается человеческая и гражданская позиция.

Рассказ

ПОВАР ИВАН ДУГИН

Нет, не любил Иван Дугин рассказывать о себе. Даже за праздничным столом. Особенно о том, как воевал.

– Ну что мне вам рассказать? Ведь и рассказать нечего... Ну кто я был? Обыкновенный повар. А какой из повара боец? Так, кашка-малашка да супец-компот... В общем, моё дело было кухня, а там пули не летали...

– А ты расскажи, как тебя чуть было под трибунал не отдали, – обычно говорила супруга Татьяна Егоровна, которая гордилась своим мужем-фронтовиком, и ей хотелось, чтобы он не упал лицом в грязь. А то все мужики за столом о своих подвигах вспоминают, а чем Иван хуже? – Ну, давай, Ванечка, что же ты? – умоляюще глядела она на него.

А у Ивана при этих словах тут же язык немел, губы дрожать начинали и на глаза накатывали слёзы.

– Да какой там трибунал! – срывающимся голосом воскликнул он. – Не было там никакого трибунала. Поставили к стенке – и всё...

В комнате воцарялась тишина. Те, кто никогда не слышал про Иванов расстрел, тут же, закрыв рты, намеревались слушать, но и посвящённые были не прочь вновь пережить всё, что пережил Иван в своё время. А вдруг ещё какие-то детали откроются? Тогда будет о чём покаплять, что обсудить. Ведь всю свою жизнь они обсказывают эту войну, и конца края этому нет. Как будто она вовсе никогда и не кончалась для них.

Но Ивана долго приходилось упрашивать. Ведь он по натуре молчун, и даже когда выпьет, трудно ему язык развязать. Несмотря на то, что пил богатырскими дозами. Бывало, нальют ему рюмочку, как всем, а он её в сторону и тут же фужер подставляет. Сюда, мол, лей, что там рюмка? Уж пить, так пить...

Ну, конечно, думают люди, Иван-то привык в своих рестораниях водку чайниками потреблять. Такая уж у него работа. Вот ежели бы был он, допустим, закройщиком, а не поваром, то, может, пил бы напёрстками. Ну, а в ресторане всё по-другому. Тут работать на фоне веселья человеческого приходится. Ведь зачем приходят в такие заведения? Да чтобы расслабиться как следует. Жизнь-то вон какая набыченная – только бесшабашное веселье и спасает. Видимо, эта бесшабашность и обслуге

ресторанной передаётся. Поглядишь – безбашенные они какие-то, будто бы жизнь у них слаще нашей получается. Хотя это они на вид только такие. Жизнь их тоже не балует. Чай, не миллионеры. Вот чтобы забыться, уйти от этой повседневной натуги, соберутся порой после закрытия заведения, все – повара с поварихами, сторожа да официантки, – наваляют на стол то, что осталось с барского, как говорится, стола, выставят водочки – и пошла гулять деревня! В общем, согласно ресторанный психологии и жили люди.

И Иван так жил. По восемнадцать часов, бывало, приходилось возле раскалённых печей проводить. На смену вставал чуть свет и, так как автобусы ещё не ходили, то пал пёхом кварталов десять. В пять утра уже был на работе, где и начиналась эта многочасовая пытка. Один мужик среди баб, так что ему суждено было и туши свиные таскать на своём горбу, и мясо рубить, и тонны котлет на-гора выдавать. А ещё эта рыба колючая да ледяная из морозильников, от которой руки потом сутки ломит, эти тяжеленные баки с супом, которые приходилось самому же на плите ворочать, эта бесконечная духота, с которой не было сладу, особенно летом... Оттого и бесчисленные его профессиональные болячки – все эти ревматизмы, артриты, артрозы, хондрозы, от которых он неизменно страдал. Хотя виду не подавал – не тот был характер. И всё же, несмотря на кажущуюся бодрость, Иван мечтал о том дне, когда выйдет на пенсию и ему не придётся больше добираться на своих изувеченных ногах до работы. Усядется на любимой лавочонке, что сам смастрил за калиткой, и будет так сидеть до самой смерти.

На работе Иван был более словаохотлив, чем дома. Там, слава Богу, его никто не просил рассказывать о войне. Даже во время «служебных» пирушек, которые они устраивали после смены. Всё ограничивалось анекдотами. Выпьют – и давай их травить. Дома в будние дни тоже не шибко-то разболтаешься. Вернутся с Татьяной усталые после работы, попьют чайку – и на боковую. Но вот когда придут гости, всё оборачивается куда как сложнее. От этих анекдотов не отделаешься, им нужно, чтоб ты свою жизнь наизнанку вывернул. Иван сопротивлялся, но после четвёртого или пятого фужера всё же сдавался.

— Ну, давай, Иван, не тяни, расскажи про свой расстрел, — вновь просил кто-нибудь Дугина.

И тот вдруг начинал говорить... Нет, не то, чтобы с ходу брал быка за рога — набирал обороты потихоньку, и сказ свой вёл издалека. С того самого момента, как в край наш далёкий, на самую китайскую границу попал.

А попал он сюда перед самой войной с Гитлером.

— А чем ты, Дугин, на гражданке занимался? — спросило его начальство, когда он прибыл в полк.

— Да разным, — отвечает. — Я ведь крестьянский сын. И в поле приходилось работать, и за лошадьми ухаживать, и лес валить... Плотничать-столярничать приходилось...

— А как насчёт поварского дела? Приготовить сможешь? — неожиданно спросили его. — А то у нас одни косцы-писцы, а вот поваров нет. Не мужское, говорят, это дело...

Иван почесал затылок.

— Да я бы тоже лучше бы не по этой части, но коль надо, смогём, — отвечает.

Посовещались начальники о чём-то, а потом:

— В общем так... Пойдёшь в ученики к Сулейманову. Через месяц-другой, глядишь, и научишься поварить. Дело-то ведь нехитрое — чай, не ресторанных посетителей кормить будешь.

Что делать — пошёл в повара. Было б грамотёшки поболе — на курсы бы младших командиров попросился, а тут, как говорится, всего-то три класса сельской бани. Куда с таким образованием в командиры? А на душе кошки скребут. Ну что он скажет товарищам, когда вернётся в родную деревню? Ведь засмеют, когда узнают, что он три года перловую кашу варили, тогда как другие от врагов землю нашу спасали. А врагов в ту пору было не перечесть. Они и в Европе были, и в Азии. За тем же Амуром, на берегу которого ему предстояло служить, япошки окопались. Маньчжурию с Китаем, значит, подмяли под себя и теперь, дьяволы, глаз свой на нашу территорию положили. Но им уже два раза по шапке дали. Один раз у озера Хасан, что в Приморском крае, другой — на реке Халхин-Гол — это уже в Монголии, с которой у нашей страны дружеский договор существовал. Попрятавши немного сукины дети, но ненадолго. И как только немец вторгся на нашу территорию, японские вражины воспрянули духом. Начались провокации, лазутчики полезли на наш берег. По ночам было слышно, как техника на той стороне гудит, — это японцы свои войска к границе подтягивали. Тревожно было здесь и опасливо. Того и гляди, войной пойдут на нас самураи. А каково это было сознавать, когда немец давил с Запада? У тех, кто находился на восточной границе, нервы были на пределе, и не только у военных, но и у мирного населения. Люди даже в уборную с противогазами ходили, памятая о кощурстве этих узкоглазых, которые когда-то показали, на что они горазды. Такое творили во время интервенции — страшно сказать. Целые деревни вместе с их обитателями сжигали. И вот теперь снова готовились напасть на нашу землю. Ну, как тут не запаниковать? И паниковал народ потихоньку, и нервы у людей были напряжены, хотя виду не подавали. Работали, учились, готовились к

войне. А когда приказ пришёл рыть окопы вдоль Амура, рыли все вместе — и военные, и гражданские. И даже полковому повару Ивану Дугину приходилось снимать свой фартук и браться за лопату.

Ох, и намаялись за эти годы! При этом больше неизвестность донимала, постоянное ожидание японцев, чем приготовление к их отражению. И когда после победы на западе правительство объявило Японии войну — как-то сразу полегчало на сердце. Странно это, конечно, ведь война есть война, там убивают, да ещё неизвестно, кто в ней победит, но дышать, тем не менее, стало легче. Да и уверенность в нашей победе у всех была. Всё было настроено на неё, родимую. И вот, наконец, в августе сорок пятого началось...

Ивана Дугина тогда вместе с его полевой кухней через реку по pontонному мосту переправили. Вначале, как полагается, была артподготовка; пушки били так, что окна в домах небольшого городка, где квартировал полк, вылетали. Однако, несмотря на столь значительные для того времени бытовые потери, народ радовался. Бог с ним, мол, лишь бы скорее победить. А когда артподготовка закончилась, когда снаряды перестали с шипением летать над головой, всё, что могло двигаться и стрелять, устремилось на правый берег Амура. Забурлила река, рассыпалась на мириады брызг, когда по ней пошли тяжёлые бронекатера, баржи, ведомые буксирами, да десантные посудины. И началась война, которая, к счастью, продлилась недолго: месяца не прошло, как всё закончилось. Но сколько всякого за этот короткий срок случилось, каких душевных сил стоила людям эта война, знают только они сами.

Иванов полк тогда долго шёл по малонаселённому пространству, не встречая сопротивления. Леса, перелески, рисовые поля, китайские убогие деревушки с глинянобитными домами-фанзами, и снова леса, перелески... Часто навстречу выходили китайские крестьяне, которые при виде солдат в незнакомой форме явно выражали радость. Видно, замучили их япошки, и они готовы были приветствовать любого, кто обещал избавить их от этих мучителей.

А потом вдруг всё изменилось. На пути стали возникать укрепрайоны с дотами да окопами-траншеями, началась стрельба, появились раненые с убитыми... Иван в этих передрягах не участвовал. Его задача была не отставать от полка и вовремя кормить бойцов. А послать за моторизированной пехотой было делом чрезвычайно трудным. Ну, разве по силам было лошадке, что тащила полевую кухню, угнаться за юркими полуторками да американскими лендлизовскими «студебеккерами»? Да и лошадка-то была так себе: старенькая, потому и резвости в ней не было — так, дохаживала своей век. Но других помощников у Ивана Дугина не было. А командир полка прямо сказал: «Попробуй не накормить бойцов — расстреляю по закону военного времени». Иван, видя такое дело, сунулся было к начальству с просьбой, помощница хотел для себя выхлопотать, но получил от ворот поворот. Дескать, не видишь, что ли, — у нас каждый штык на счету. Вот и напрягался Ванюша, вот и рвал жилы, поспешая за полком. А дороги-то были те ещё, яма на ямине, а

где и вовсе пути не было, посему постоянно приходилось подсоблять лошадке и сообща тянуть воз. Но покуда дело шло, и Ивану ценой нечеловеческих усилий удавалось спешевать за полком. А тут вдруг осечка...

Откуда они тогда взялись, эти япошки, Дугин и сегодня сказать не может. Он гнал лошадку через небольшой лужок, когда вдруг впереди, среди высокого и уже чуть пожухшего к осени бурьяна, углядел каких-то людей, которые перебежками продвигались в его сторону. Их было трое, и они, как отметил Иван, были вооружены. «Японцы!» – мелькнуло в голове. Иван тут же остановил лошадь, сдернул с плеча ППШ и бросился на землю. Быстро и громко, будто пулемётная очередь, застучало сердце. Положил указательный палец на спусковой крючок, попробовал сосредоточиться. Но разве сосредоточишься, когда страх крадётся по твоим жилам, сковывая мысли, чувства, волю? Тело покрылось липким холодным потом; солёные струйки его начали заливать лицо, разъедать глаза, заползать за ворот гимнастёрки. Снова он попытался лихорадочно что-то сообразить, но не смог. Лежал, словно парализованный, в бурьяне и дрожал всем телом.

А ведь так всё шло ладно. Было погожее августовское утро, в траве стрекотали кузнечики, дышалось легко и вольготно – будто бы и не было вовсе войны. Припадая на больную ногу – ещё накануне вечером ушиб, когда вытягивал телегу из болота, – Иван вёл лошадку под уздцы и думал о хорошем. Вспомнил родное село, мать, отца, братишку с сестрёнкой... Как они там? Думают ли о нём? Ничего, вот кончится война, вернётся он домой, и заживут они, как прежде, в согласии и любви. Он, Иван, выучится на тракториста и станет работать в колхозе. Пока он тут месит грязь на просторах далёкой Маньчжурии, там, в его сибирском селе, подрастают невесты. Кто-то из этих молодых красавиц непременно станет его женой. И то! Он ведь парень видный, любая девчонка за него пойдёт. Вот только они, девки-то, теперь героев любят. Спросят: а ты, мол, Ванечка, сам-то воевал? Много ли врагов убил и есть ли у тебя боевые награды? А он что скажет? Вот то-то и оно, что нечего сказать. Ну, какая девка пожелает выйти за кашевара, который и пороху-то не нюхал? Более того, и врага-то в глаза не видел...

Вспомнив вдруг об этих своих недавних переживаниях, Иван чуть было не выматерился. Вот, дескать, и нарккал на свою голову. А теперь решай, что делать. Нет, стрелять его научили, но что он один против... Сколько же их там? Ах, да, трое... Ну вот, что он против троих? А те, что продвигались мелкими перебежками, уже были совсем близко. Иван это отметил, когда, машинально смахнув рукавом гимнастёрки пот с лица, чуть приподнял голову и мельком огляделся. Эти сволочи, видимо, поняв, что перед ними необстрелянный солдатик, уже почти без опаски и не таясь, спешили в его сторону. Наверное, их привлекал вид полевой кухни, а может, и тот все-проникающий, оглушительный дух борща, который распространялся окрест. «Поди, оголодали, узкоглазые, вот и лезут напролом», – внезапно подумал Иван, и ему стало вдруг смешно. Ишь, борща русского захотелось! А вот этого не хотите? Он вдруг выставил вперёд свой ку-

лак со сложенной фигой и потряс им в воздухе. «Накусь-выкусь! – заорал он не своим голосом. – Жрать хотите? Тогда сдавайтесь! Эй, слышьте? Руки вверх, бисовы дети!»

Ответом ему был выстрел, который прозвучал, как ему показалось, совсем рядом. Потом был ещё один выстрел, и ещё... Одна из пуль попала в лошадку, и та с хрипом повалилась на землю. Всё происходило на его глазах. Услышав хрип, он оглянулся и увидел, как его единственная помощница, единственный друг на этой проклятой войне замертво падает на землю. «Сво-о-ло-чи! – не поднимая головы, заорал Иван. – Что наделали?! Как я теперь поспею за полком?..» Последние слова были уже обращены не к врагу, а к себе. В самом деле, что теперь будет? Ведь комполка ясно сказал: «Расстреляю, коль бойцов не накормишь!»

Он не помнит, что его тогда заставило перебороть страх и открыть огонь. Может, за погубленную лошадку, что в агонии корчилась позади, решил отомстить, а может, всплывшие в голове слова комполка вывели его из оцепенения, но только он теперь уже не боялся этих вражин, что рвались к его полевой кухне. Двоих он срезал сразу, а с третьим произошла настоящая дуэль. Тот стрелял из винтовки – редко, но, сволочь такая, настырно, будто бы и впрямь солдатского борщца непременно захотел отведать. Но беда его была в том, что не стал он искать укрытия, колошматил с колена. Вот и проиграл. Одна из очередей прошила его небольшое тело, и он уткнулся носом в траву. Но прежде пуля, выпущенная из его винтовки, пробила котёл, где находился сваренный, считай, прямо на ходу борщ. Пришлось затыкать дыру пучком травы.

Но это было ещё полбеды. Беда была в том, что Иван лишился лошадиной тяги. Кажется, ну что там одна лошадина сила? Однако без неё порой никуда. Ну, каково ему, повару Ивану Дугину, теперь? Разве утянуть такой груз? Столько тяжёлого железа в этой полевой кухне, а у него лишь две руки да две ноги. При этом одна ушибленная. Правда, можно освободить котёл от борща, но тогда чем он кормить солдат будет? Ну, придёт он с пустым котлом – и что скажет? Здравствуйте, милые, я вам пустую кухню притащил?.. Впрочем, её ещё притащить нужно...

Вздохнул тяжко солдат, выпряг убитую лошадку из повозки и, напрягши силы, так, что даже в висках заломило, попробовал сдвинуть её с места. Странно, но кухня, будто бы соскучившись по голодной братве, что, наверное, уже с нетерпением поджидала Ивана где-то там, впереди, среди редких здешних лесов, поддалась ему. С трудом, но поддалась. «Ну, тогда с Богом!» – обрадовался Иван и тяжело потащил своё незамысловатое хозяйство вперёд. Он шёл долго. Шёл по бездорожью, с трудом одлевая ямины и колдобины, ручьи и речушки, натыкаясь на пни и валуны. Силы оставляли его, но он всё шёл, шёл. Несколько раз останавливался, чтобы поправить пробку в пробитом пулей кotle. А потом снова хватался обессиленными руками за оглобли и, напрягшись всем телом, сдвигал повозку с места. Но с каждым разом это было всё труднее сделать. Приходилось напрягаться так, что голова была готова лопнуть, словно арбуз, глаза налива-

лись кровью, а на его тонкой шее вздувались верёвками вены.

Сколько он шёл тогда, уже не помнит. Иногда казалось, что он никогда не дойдёт до своих, но мысль о том, что бойцы в таком случае останутся без пищи, видимо, придавала ему силы. И вот когда солнце уже готово было скрыться за цепью гор, он услышал чей-то звонкий голос: «Глянь, братва, да ведь это наш повар Иван! Ура! Значит, будет обед! А мы-то думали, что всё...»

«Свои...» – с какой-то усталой радостью подумал Иван и тут же тяжело опустился на землю. Его окружили бойцы. Они о чём-то спрашивали его, и он, кажется, что-то им отвечал. Но спроси его, о чём он говорил, – так ведь и не вспомнит. Наверное, пытался оправдать своё опоздание, поведав о том, что с ним произошло в пути и почему ему пришлось выступать в роли лошади. «А ведь герой наш Ванька-то! – услышал он тогда чей-то голос. – Наверное, его к ордену представят».

В сгущающихся сумерках застучали котелки, бойцы потянулись к кухне. А тут вдруг приказ построить полк. Иван, едва поднявшись с земли, встал в строй вместе со всеми. Он помнит, как комполка, едва сдерживая ярость, вдруг произнёс его фамилию и приказал выйти на два шага вперёд. «Кру-гом!» – послышалась очередная команда, и командир, не став даже бранить Дугина, поднял ладонь к виску, как это полагается при отдаче приказа, и жёстко произнёс ту страшную фразу, которую Иван будет помнить до конца жизни: «За проявленное дезертирство по законам военного времени приказываю расстрелять бывшего повара полка рядового Дугина! Приказ исполнить немедленно!»

У многих бойцов после этих слов перехватило дыхание. Да как же так? Какое дезертирство? Парень-то вот он, да и кухня его на месте. Но приказ есть приказ. Тут же к Ивану приставили конвой во главе с каким-то офицером, и те, взяв его в кольцо, повели в распадок. Иван плохо соображал, что происходит. Он настолько устал от переживаний, настолько события этого дня подавили его морально и физически, что он едва держался на ногах. Все силы были сосредоточены лишь на том, чтобы не

упасть замертво. Он даже смысл слов, произнесённых полковым командиром, не уловил, и лишь когда его грубо толкнули прикладом в спину, понял всё. Понял и заплакал. Нет, не смерть его страшила, угнетало несправедливое решение командира. Ну, какой же он дезертир? Он добросовестно выполнял поставленную задачу, и лишь японцы, те, что встретились на пути, смешали все карты. Но при чём здесь он? А домой ведь сообщат, что он и впрямь дезертир. Вот позору-то натерпятся родные! Эта мысль заставила его вздрогнуть. «Я ни в чём не виноват!» – захотелось крикнуть ему, но вместо этого он ещё больше сник, и ещё обильнее из глаз полились слёзы. И ведь не от страха он плакал – от обиды. От той несправедливости, которая царит в мире. От того горя, которое он неминуемо причинит родным и близким.

Его поставили лицом к небольшой сопочке, поросшей невысоким монгольским дубняком. «Значит, будут стрелять в спину», – решил Иван. «Целься!» – послышался голос офицера, и в тот момент, когда он должен был произнести свою страшную команду, которая поставила бы точку на такой короткой Ивановой жизни, Дугин услышал спасительные слова, которые тоже запомнил на всю жизнь: «Стойте! Стойте! Отставить расстрел...»

Когда до Ивана дошёл смысл этих слов, он разрыдался. «Вот оно... Вот... Значит, есть справедливость на свете... Есть!»

А дело было так. Оказывается, не все бойцы, что знали правду, посчитали приказ о расстреле справедливым. Нашлись те, кто решил спасти Ивана. Они-то и поведали скороговоркой командиру обо всём, что случилось с Дугиным в пути. Торопились, боялись, что расстреляют парня. «Да что ж вы, сукины дети, раньше-то!..» – побледнев, воскликнул комполка и приказал немедленно отменить расстрел. Успели. А ведь чуть было не случилось непоправимое. И вот теперь Иван живёт с чувством благодарности к тем людям, что спасли его. И верит в то, что есть на свете эта вселенская справедливость, которая спасает людей от беды. И всё же нет-нет да выкатится скучая слеза из его поблекших голубых глаз, когда он вспомнит о том случае. И снова обида обожжёт ему сердце...

2005